

Николай Зеляк

ЛЮДИ И БОГИ

III книга научно-фантастического романа
«Когда пришли боги»

Николай Зеляк

**Люди и боги. III книга
научно-фантастического
романа «Когда пришли боги»**

«Издательские решения»

Земяк Н.

Люди и боги. III книга научно-фантастического романа «Когда пришли боги» / Н. Земяк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859204-1

Мифы... легенды... предания... Они тем или иным способом, прямо или косвенно говорят нам о том, что в доисторические времена к нам на землю на огненных колесницах спустились боги — учителя. Они основали на берегу великого океана город непревзойдённой красоты и стали учить людей искусству земледелия и другим полезным вещам...

ISBN 978-5-44-859204-1

© Земяк Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Сделать первый шаг	6
Глава 2. Ристалище	13
Глава 3. Ход циклопа	21
Глава 4. Контакт	30
Глава 5. Алкмена	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Люди и боги

III книга научно-фантастического романа «Когда пришли боги»

Николай Зеляк

*Моей дорогой дочери,
Оксане, посвящается!*

*My dear daughted,
Oksana, dedicated!*

© Николай Зеляк, 2018

ISBN 978-5-4485-9204-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всё на свете, однажды, происходит впервые...

Первый контакт небожителя и человека произошёл случайно. Юная пещерная красавица Клейто нечаянно встретила с небожителем Посейдоном и... влюбилась в него с первого взгляда...

А её подруга Латона была очарована царём небожителей, Зевсом...

Благородный небожитель Прометей принёс в сырую и промозглую пещеру диких людей огонь, и научил их пользоваться им...

Асклепий стал врачевать не только небожителей, но и своих земных братьев по разуму...

Гера, Исида и другие богини начали учить пещерных собратьев искусству земледелия...

Зевс, Посейдон, Тот и другие атланты заложили город на берегу великого океана. Город с круглыми улицами – каналами. Быть может, самый необычный и самый красивый, на все времена, город на планете. В нём стали жить не только его основатели, но и люди...

Ярилов, отдыхая после марсианской экспедиции на одном из Азорских островов, встретился с атлантологом Смитом. Учёный вёл в океане поиски следов легендарной Атлантиды. Благодаря марсианскому «дару», Ярилов помог Смигу найти и извлечь со дна океана скульптурные обломки, относящийся к эпохе атлантов, и доказывающие подлинность свидетельства Платона относительно Атлантиды. Экспедиция атлантологов прославилась. К своему капитану слетелись его космические друзья, чтобы поздравить его с успехом. Во время дружеского пикника на необитаемом острове они нашли артефакт, относящийся к эпохе Атлантиды.

На этот артефакт и обратил свои взоры местный криминальный авторитет, Циклоп. Он давно вёл наблюдение за, внезапно появившейся, подозрительной четвёркой атлетичных молодых мужчин. Внушил себе, что это неспроста. Металлический цилиндр артефакта он принял за обыкновенную кубышку для хранения драгоценных камней... и вознамерился устроить на неё охоту...

Обо всём этом и о многом другом говорится во *второй книге* научно – фантастического романа «*Когда пришли боги*», «*С небес сошедшие*».

Третья книга романа «**Люди и боги**» расскажет о городе небожителей и людей. Поведает об опасных путешествиях атлантов и тернистыми отношениями их с дикими людьми. Поведёт речь о приключениях космической четвёрки и разборках её с местным криминалитетом...

Глава 1. Сделать первый шаг

Главное решиться и сделать первый шаг. Это главное. Дальше будет проще. Путешественники, возглавляемые небожителем Илой, всё дальше и дальше уходили от Посейдониса. Двигались, как и положено, гуськом, след в след, по едва различимой звериной тропе. Так легче. Не нужно было тратить лишних усилий на преодоление тугого сопротивления дикой травы и зарослей лесных чащоб.

Впереди группы, тенью скользил долговязый и гибкий, как лиана, Эк. Он был несказанно горд тем, что шёл во главе её. А найдите вы такого охотника, который не был бы горд на его месте? Нет, не найдёте! Он ведь прокладывал дорогу не кому-нибудь, а сразу трём небожителям, не считая своих друзей. Это чувство окрыляло его и он ощущал себя, как космонавт в состоянии невесомости. Отсюда, глядя на него, создавалось впечатление, что верхняя и нижняя части его фигуры принадлежали разным хозяевам. Хотя для Эка, пребывающего в окрылённом состоянии, это выглядело вполне естественно. Ноги его, то и дело, норовили уйти в отрыв от остального туловища. А ещё, Эк был ценен своим острым, охотничьим глазом. Он у него был особенный. Видел не только сам предмет, но и то, что находилось за ним..

Следом шёл Ро. По части бдительности, он дополнял Эка. Если его друг всё больше смотрел перед собой, то Ро следил за периферией. Мимо них не мог пролететь не замеченным даже комар, не говоря уже о более крупной живности.

В середине группы двигались небожители. Ила, Энион и Нот. Неловкие и наивные. Совсем не охотники.

Замыкал маленькое шествие Тар. Идти в арьергарде у охотников считалось самым ответственным занятием. Замыкающим он был определён не случайно. Тар обладал обострённым чувством опасности и тонким, избирательным слухом. Настолько тонким, что ему, наверное, позавидовал бы сам Никколо Паганини.

Охотники по своему опыту знали, что человек в диком лесу, хочет он того или нет, сам может стать добычей не менее искусного и беспощадного охотника, чем сам человек. Это крупный, плотоядный зверь. Хищник всегда нападал сзади. Так было безопасней для него: легче убежать в случае облома. Отсюда замыкающим искони шёл тёртый, безошибочно читающий лесные звуки, охотник.

Путешественники двигались *яко тать в ночи* и достаточно быстро.

Атланты не скрывали своих чувств. Они по-детски откровенно восхищались, неперестанно открывающимися красотами. Обилие красок, запахов и звуков нетронутой природы кружили им голову.

Охотников же местные красоты трогали мало. И не потому, что они насмотрелись и нанюхались их вдоволь. Отнюдь не потому. Они судили о них, как истые прагматики. Красота красотой, а кушать всё равно хочется. И ещё, они знали не понаслышке, что может скрываться за чарующими видами, а потому были всегда начеку.

Да и сами небожители затеяли трудное путешествие не ради развлечений и улады своего взора местной экзотикой. Они занимались изучением, неизвестного им, края.

Неоценимую помощь атлантам в их научных изысканиях оказывало специальное устройство, встроенное в диадему каждого небожителя. Это был особый монокристалл с огромной ёмкостью памяти. Устройство в автоматическом режиме фиксировало, отбирало и обрабатывало видео – и аудиоинформацию обо всех, встречающихся у них на пути, видах флоры и фауны, не повторяясь и придерживаясь принципа минимальной достаточности.

Благодаря умному устройству, рутина сбора первичных, научных данных, чудесным образом, преобразовалась в любование, постоянно меняющимися, картинками прекрасного мира. Каждый день путешествия давал что-нибудь новое, а иногда преподносил и сюрпризы.

Ила, идущий предпоследним, случайно обратил внимание на странное поведение Тара. Охотник почему-то, всё время оглядывался назад. И делал это без видимой причины.

Ила не мог не полюбопытствовать:

– Тар, я заметил, что ты часто оглядываешься назад. Зачем ты это делаешь? Ведь никого позади нет. Ты идёшь последним.

Ответ Тара немало удивил небожителя:

– Есть. Он всегда рядом. Он идёт по следу.

Атласные брови Илы удивленно поползли вверх.

– Кто?

Охотник спокойно ответил:

– Хозяин леса.

В глазах атланта отразилось недоумение.

– Хозяин леса?

Охотник негромко пояснил:

– Да. Полосатый зверь с клыками, как мой нож. Я оглядываюсь, чтобы не прозевать его нападение.

Ила, от неожиданности, остановился.

– Он может напасть на нас?

Тар кивнул.

– Может. Но не всегда.

Лицо небожителя обрело жёсткое выражение.

– Поясни.

Охотник высказал своё предположение:

– Сейчас нас много. Поэтому он нападать медлит. Прикидывает.

Ила качнул головой.

– Вот как!

Посмотрел в глаза охотнику.

– А если бы ты был один?

Охотник ответил без тени сомнения в голосе:

– Он давно съел бы меня!

Небожитель задал наивный вопрос;

– Почему? Он голоден?

Охотник усмехнулся одними уголками губ.

– Не исключено. Хотя он обычно нападает по другой причине.

– Любопытно узнать.

Тар пояснил:

– Зверь охраняет свой лес и убивает всех, кто туда пришёл.

Ила нахмурился.

– Зверь рядом?

Охотник кивнул.

– Да.

– Его можно увидеть?

– Можно.

Ила подошёл к Тару.

– Покажи его мне!

– Хорошо. Смотри туда. Увидишь его голову.

При этих словах, он осторожно показал пальцем куда-то перед собой.

– Смотри внимательно. Он затаился и почти не заметен.

Ила стал пристально смотреть в то место, куда указал охотник. По началу, кроме листвы, дрожащих солнечных зайчиков и пульсирующих теней, он не увидел ничего. Но присмотревшись, все же углядел, едва заметную в листве, морду свирепого хищника. Небожителя поразили его глаза. Это были глаза убийцы: жёлтые, неподвижные и беспощадные. Хищник замер всего в трёх десятках шагов. Зверь это расстояние мог перекрыть в несколько прыжков.

Бесстрашному атланту стало не по себе. Агрессия и физические размеры затаившегося полосатого монстра неприятно удивили.

– Он давно нас преследует?

– С тех пор, как мы вступили в его владения.

– А он оставит нас, когда мы его владения покинем?

Охотник ответил уклончиво:

– Никто не знает, что у него на уме. Он – зверь.

Небожитель задумчиво сказал:

– Как всё же мудро и сложно в природе устроена жизнь.

Подошёл Энион.

– Что-то случилось?

Ила не стал смущать своего коллегу тайным присутствием клыкастого соседа. И у него были на то свои основания. Действительно, если бы зверь хотел напасть, то он уже давно бы это сделал.

– Ничего особенного. Продолжим движение.

А зверь был уверен, что его никто не заметил. Он облизнулся. Но не потому, что хотел напасть, а от того, что не мог этого сделать. Если бы двуногих с палками было не больше трёх, тогда другое дело. Тогда бы он напал. Одним позавтракал бы, другим пообедал, а третьего оставил бы на ужин. Но их больше, а это уже опасно. Могут своими палками испортить шкуру. А свою драгоценную шкуру он ценил необыкновенно. Поэтому зверь принял мудрое решение: с галдящими двуногими лучше не связываться...

В полдень путешественники, как всегда, устроили привал. В раскалённом небе неистово бесновался Гелиос. Ни ветерка, ни шороха. Воздух горяч и недвижим. Скорее бы в спасительную тень!

Но благодатная тень была привилегией не для всех путешественников. Во всяком случае, в первой половине полуденной фиесты. Охотники великодушно освободили небожителей от забот по добыче и готовке еды. Поступили так чисто из прагматических соображений. В противном случае существовал риск остаться без обеда.

И пока сошедшие с небес безмятежно нежились в тени, охотники, в поте лица своего, добывали хлеб насущный. Впрочем, делали они это мастеровито и охотно. Друзья чётко распределили между собой все хлопоты по готовке обеда.

Эк, как самый удачливый охотник и меткий стрелок, ушёл добывать дичь. К счастью, её в этих местах летало и прыгало несметное количество.

Ро, будучи непревзойдённым знатоком природной, зелёной кухни, отправился набирать свежих приправ и гарниров.

Тар заведовал костром. Свою работу он знал тоже хорошо, и делал её солидно и без суеты.

Пока охотники готовили обед, Ила, присев на корточки, с интересом наблюдал за муравьём.

Настырное насекомое тащило, в известное только ему одному место, солидную по размерам гусеницу. Зелёная тушка извивалась, и тем самым чинила муравью – трудолюбу большие неудобства. Кроме того, она кратно превосходила его по массе.

Дело двигалось со скрипом. Видно груз был не по муравью. Однако насекомое проявило характер. Оно не собиралось отказываться от груза, который напоминал чемодан без ручки.

Решая проблему транспортировки неудобного груза, муравей перманентно пребывал в творческом поиске. Подбегал то к одному концу гусеницы, то к другому. Вскикивал ей на спину. Даже пытался протиснуться под её брюхо.

Лучше всего у муравья получалось, когда он пытался тащить гусеницу за голову. Тогда она не упрячилась, и ему удавалось протащить её на некоторое расстояние.

Груз был тяжёл. Дорога, по которой двигался муравей, была ещё тяжелее. Ухабистая, хаотично заваленная сухими травинками и комочками земли, она делала его миссию почти невыполнимой. Мелкие былинки и частички земли ему были нипочём. А вот крупные травинки и былинки уже становились серьёзным препятствием. Утыкаясь в них, как в бревно, муравей останавливался. Он принимался исследовать неожиданное препятствие, обдумывая как его преодолеть. После этого либо убирал препятствие с дороги, если позволяли силы, либо обходил его.

Небожитель внимательно изучил поверхность земли в окрестностях трудового подвига муравья. Ничего похожего на муравейник, или хотя бы на норку в земле, он не обнаружил. Данное обстоятельство лишь усилило его любопытство: куда же так усердно устремлён упрямец – муравей? Неужели муравейник находится так далеко, что отсюда не просматривается? В таком случае расстояние, которое должен покрыть муравей, если его перевести в масштаб насекомого, будет воистину космическим. А муравей, не смущаясь ни на йоту, вознамерился бесстрашно преодолеть его, имея с собой ещё и ношу, многократно превосходящую по массе самого носильщика. Причём в собственном успехе, судя по всему, он ничуть не сомневался.

Удивительно.

Ила подобрал тонкую веточку и, из любопытства, стал чинить препятствия труженику – муравью. Он воткнул её в землю прямо перед носом муравья, и стал наблюдать за его поведением. Муравей остановился. Стал деловито кружить вокруг неожиданно возникшего препятствия, прикасаясь к нему, то усиками – антеннами, то лапками. Видно, пытался убрать с дороги препятствие.

Он никогда не узнает, что в его, личную, муравьиную жизнь, здесь и сейчас, вмешалась внешняя могущественная сила, способная без малейших усилий, кардинально изменить его судьбу. А ведь от муравья требовалась мелочь. Ему нужно было лишь поднять к небу глаза, чтобы установить причинно-следственную связь между внезапно возникшим препятствием, и могущественной силой, учинившей его.

Не сподобился.

Ила отложил на время вмешательство во внутренние дела муравья и просто стал наблюдать за ним, пытаясь понять, почему тот так упорно придерживается определённого направления.

Если исключить работу, совершенно тёмного по своей природе, инстинкта, а так же помощь заранее расставленных химических маячков, помогавшим насекомому слепо следовать в заданном направлении, то создавалось впечатление, что муравей действует вполне осмысленно.

Между тем трудолюбивое насекомое настойчиво продолжало тащить извивающуюся гусеницу, пока не уткнулось в довольно крупный комок земли, с хорошо обозначенными крутыми боками. Груда была столь велика, что для муравья она представлялась настоящей скалой.

Тем не менее, муравей не ступешался и пожелал взять её штурмом. Сходу. При этом он не выпускал из своих натруженных лапок драгоценного груза.

Не получилось.

Тогда муравей, оставив на время свою добычу, приступил к исследованию склонов препятствия. Трудился самозабвенно. Ему, наконец, удалось нащупать нечто вроде муравьиной тропы, по которой можно было попытаться пройти с грузом.

После разведки он вернулся к своей добыче и поволок её по только что изученной трассе. Ему приходилось трудно, но со своей задачей он справлялся.

Муравей уже преодолел было почти треть пути по склону земляной груды, когда небожитель вмешался в его дела ещё раз. Он отторгнул своей веточкой у муравья его добычу. С точки зрения насекомого этот агрессивный выпад должен выглядеть грубым и несправедливым.

Ила отбросил гусеницу назад. Отбросил на целый человеческий шаг! Для муравья это приличное расстояние. Особенно, учитывая характер дороги. В глазах муравья она изобиловала перекатами, рытвинами и глубокими трещинами. Была завалена огромными комьями земли и толстыми стволами сухих растений. Причём от дуновения ветерка хаос на дороге тасовался, обретая новые очертания. Такие перемены оптимизма муравью не добавляли.

Лишившись драгоценной поклажи, обездоленный муравей, вначале, крутился на одном месте. Он, то ли оценивал ситуацию, то ли просто вертелся от великого расстройств. Затем, к удивлению атланта, повернул свои стопы вспять. Но возвращение его выглядело странным. Он бежал не по прямой линии, а по синусоиде, которая размашисто колебалась около истинного пути.

Ила, со всё возрастающим интересом, наблюдал за неутомимым путешественником, гадая, найдёт или не найдёт тот свою драгоценную пропажу?

А муравей, между тем, несмотря на отсутствие визуального контакта со своей ношей и перманентно меняющуюся дорожную обстановку, упрямо двигался к своей гусенице. И, в конце концов, обрёл её!

Взвалив на плечо шевелящуюся поклажу, муравей снова двинулся вперёд, к цели, ведомой только ему одному.

Атлант, заинтересованный поведением муравья, не мог отделаться от мысли, что тот действовал не в формате запрограммированного биологического робота, а работал по законам разумного существа, всякий раз творчески преодолевавшего возникающие перед ним трудности. С всё возрастающей симпатией следил Ила за неугомонным муравьём. Поведение этого труженика заслуживало всяческого уважения.

Жаль только, что муравей в упор не замечал ни атланта, ни его не прощенного и грубого вмешательства в его муравьиные дела.

А может, атланту это только казалось?

Может, муравей на своём уровне всё же возмущался неинтеллигентным поведением громадного существа, но сделать ничего не мог в силу своей малости.

Если бы так! Тогда существовал бы шанс взаимопонимания. Пусть ничтожный, но существовал. К сожалению, такого шанса, наверное, не было.

Скорее всего, миры муравья и атланта разделены непреодолимой пропастью непонимания. Непонимания со стороны муравья.

Иное дело – атлант. Он, из любопытства, или по иной причине, мог неограниченно влиять на жизнь и судьбу муравья. Хотя, насекомое об этом не догадывалось по определению.

Проводя глазами уползающего муравья, атлант вдруг вспомнил очень давний разговор, состоявшийся ещё на борту «Геи». Тогда его товарищ, математик Тот озвучил проблему, так и не нашедшую разумного решения. Вопрос был прост: почему из тысяч равнозначных звёзд, атланты выбрали целью своего межзвёздного путешествия неприметный Гелиос? Почему именно его?

Серьёзных оснований для такого выбора не было никаких. Неужели только невероятное везение? Не верится. Слишком велики были ставки!

И здесь невольно напрашивалась аналогия с муравьём.

Может быть, на мировую линию атлантов, особенно тех, кто принимал то эпохальное решение, повлияло нечто неведомое, аналогичное веточке Илы, активизирующей поведение муравья?

Это, возможно, были те высшие силы, о воздействии которых, ни атланты на своём уровне, ни муравей на своём, не догадывались, и, наверное, не догадаются никогда.

А раз так, то вопрос, поставленный Тотом, навсегда останется без ответа!

Муравей, между тем, уже успешно карабкался по покато́й спине земляного комка. Ила улыбнулся: и откуда только берётся столько сил у этого крохотного существа?

Потянуло ветерком, и тонкое обоняние Илы уловило острый аромат жареной дичи.

Небожитель поднял голову. Его глазу представилась отрадная картина. На импровизированных шампурах томила́сь и обливалась горячим жиром тушки двух куропаток и одного зайца. Капли жира с шипением падали на багровые угли, источая дразнящие запахи. Над шампурами хлопотал Тар. Эк и Ро готовили деликатесы из зелени. Сосуды уже были наполнены студёной водой.

Ожидался царский обед!

Энион и Нот уже лениво возлежали в объёмной тени развесистого куста. Ила, в предчувствии пиршества, тоже растянулся на траве. Блаженно смежил веки. Однако благостное состояние продолжалось недолго. В глубинах его сознания неожиданно прозвучал голос координатора.

Чувствовалось, что Зевс был чем-то взволнован.

– Мой Ила, я приветствую тебя и твоих спутников. Доброго вам пути!

Ила тут же отреагировал, послав ответный, телепатический сигнал:

– Приветствую тебя, дорогой Зевс! Благодарю за добрые пожелания!

Услышал неожиданное.

– Жизнь преподнесла нам всем сюрприз.

Ила насторожился.

– Хороший или плохой?

– Сразу определить трудно. Требуется время, чтобы разобраться.

– Я слушаю.

Координатор продолжил:

– Примерно в десяти дневных переходах от города, мы обнаружили большое количество диких людей. Людская лавина кочует в направлении Посейдониса. Есть вероятность того, что дикие люди выйдут на него.

Ила удивился.

– Дикие? А разве люди Кру и Чара не вышли из каменных пещер?

Зевс возразил:

– Те, о ком идёт речь, в своём развитии стоят ещё ниже.

Ила внутренне собрался.

– Мой Зевс, чем я могу помочь тебе?

– Войди с ними в телепатический контакт и попробуй оценить их интеллектуальный и эмоциональный ресурс.

– Хорошо, мой Зевс. Миссия ясна.

Чуть подумав, добавил:

– Правда, для этого нам придётся изменить намеченный маршрут путешествия.

– К исследованиям вернётесь после выполнения миссии. Она продлится недолго.

– Хорошо, мой Зевс.

Координатор предостерёг:

– Исполняя поручение, будьте осторожны. Прямой контакт с дикими людьми нежелателен.

– Почему?

Ответ звучал жёстко:

– Они агрессивны. Вместо контакта может получиться стычка с непредсказуемыми последствиями.

Ила спокойно ответил:

– Ясно.

Поинтересовался:

– Как поступить, если нас обнаружат?

Последовало категорическое:

– Немедленно уходить!

– Хорошо. Но что делать, если контакт станет неизбежным?

– Это плохо. Кровь нам не нужна. Им тоже.

Ила нахмурился.

– Принципиально?

– Да. Они не должны бояться нас.

Ила согласился:

– Я всё понял.

Далее последовало:

– И ещё одно. В случае экстремальной ситуации, зови. Мы придём на помощь. У меня всё. Удачи тебе, мой Ила!

– И тебе удачи, мой Зевс!

Небожитель задумался. Путешественникам предстояло стремительно сократить дистанцию с дикими людьми и войти с ними в телепатический контакт.

Прекрасно.

Но никто на свете не мог дать гарантии, что его группа не столкнётся с дикарями. Никто! О последствиях такой встречи думать не хотелось.

Обед удался на славу. Путешественники пребывали в приподнятом настроении. Шутили, говорили о разных пустяках, вспоминали курьёзные случаи, смеялись. По всему было видно, что путешествие по неизведанной земле всем им доставляло истинное удовольствие. И они готовы были идти дальше.

Лишь в конце обеда Ила обескуражил свою команду неожиданным сообщением:

– Наша группа получила другое задание. Мы меняем маршрут...

Глава 2. Ристалище

Клейто стояла у дыры квадратной формы, выполненной в безупречных пропорциях золотого сечения, а если говорить не пещерным языком, то у окна. Прислонившись к стене своего многокомнатного жилища, которое она по старой привычке называла пещерой, смотрела в сторону круглого острова. Там обитали небожители. Там жил Посейдон! Её Посейдон... её бог. Уже прошло столько лет, а она не могла его забыть до сих пор...

Пещеры у небожителей были большими, светлыми, с колоннами и сияющими на солнце крышами. Выглядели они намного обширнее и наряднее, чем пещеры для людей. Все они утопали в зелени. Возле них хрустально струили многочисленные, диковинные фонтаны и журчали прохладные ручейки. В сказочных садах, на разные голоса, пели птички.

Клейто давно жила уже не в овальной «капле» на ножках, и не на отшибе, как раньше, а в круглом городе, в индивидуальной светлой пещере из нескольких комнат, при больших и многочисленных дырах в стенах. Через эти дыры внутрь попадало много солнца. А дождь, ветер, холод, мухи и нехорошие люди попасть туда никак не могли. Мешала прозрачная, но прочная преграда. Её обиталище от острова небожителей отделяла только широкая, круглая река.

Она жила рядом с богами, и этот факт радовал её. Более того, она весьма и весьма гордилась таким высоким соседством, и, даже, не думала скрывать свои чувства. Еды у неё всегда было вволю. Её без задержек приносил, вкусно пахнущий, брюхастый «жук». И приносил он именно то, что ей больше всего хотелось.

День Клейто, как всегда, проходил в великих трудах и хлопотах. Она непрестанно примеряла наряды и делала себе причёски. Правда, теперь она наряжалась всё больше для себя. Да ещё для того, чтобы поважничать перед Латоной, которая жила по-соседству. Больше форсить было не перед кем. Та же в долгу никогда не оставалась. Постоят, бывало, молча, поглядят друг на друга и разойдутся. Иногда одна другой напомним, безапелляционно сморщив носик, что та выглядит не очень модно.

Ей нравился и другой «жук», который прятал в своём брюхе её ношенные наряды, а через некоторое время приносил их уже новенькими и хорошо пахнущими. Иногда она пыталась силой запихать в пасть «жука» больше, чем тот мог проглотить. Тогда зверь захлопывал свою пасть и убегал. Клейто со страхом думала, что он обиделся и больше не придёт. Но «жук» возвращался и приносил ей её старые наряды, которых было совсем не отличить от новых. Ей только и оставалось, что от радости хлопать в ладоши. А ненасытный «жук» открывал свою пасть, требуя новую порцию её одежды.

Клейто так бы и жить дальше, праздно и беззаботно, так нет.

Свои докуки были и у неё. Вот хотя бы этот тихий, но упрямый, «жук», который каждый день убирает её пещеру. Убирает старательно, ничего не скажешь. Вокруг всё блестит, как вода на солнце. Но вот беда – он подбирает всякую всячину, которую Клейто прячет по углам, и тащит её на середину пещеры. Так продолжается уже много времени, и нет на него никакой управы. Клейто спрячет, а он, обязательно, найдёт и положит на самое видное место.

А ещё Латона. Ох, уж эта подруга! Она живёт по соседству и считает, что её персональная пещера больше, а наряды лучше.

Ага, сейчас! Обрадовалась!

Уж если и говорить у кого, что лучше, то, конечно же, лучше у неё, у Клейто!

Но в одном месте Латона, всё же, обошла Клейто. У Латоны было двое детей – Аполлон и Артемида, а у Клейто один сын – Атлант. Зато Атлант был старше. Вот так!

И, наконец, морщинки. Когда она видела в зеркале вторую Клейто, то не желала её узнавать. Вначале презрительно фыркала, потом обижалась, но, со временем, привыкла. Она при-

выкла к своему отражению в зеркале от того, что зазеркальная Клейто тоже была упрямой и молодеть не собиралась. Не смотря на бурные возражения настоящей Клейто.

Она стала, постепенно, походить на свою мать, Иту. Увы!

Когда-то, давным-давно, будучи ещё совсем маленькой, Клейто считала свою мать совсем старухой. У Иты было мало зубов, много морщин и белые волосы.

Теперь же у неё самой стали появляться морщинки и белые пряди. Причёска и наряды, как не горько было это осознавать, уже не выручали её. Они делами её даже немного смешной. Впрочем, как и её неизменную соперницу и подругу Латону.

Небожитель Посейдон уже давно забыл её. Она с этим смирилась и перестала стенать по этому поводу.

Зато он любил своего сына. Часто и надолго уводил его от неё. Она не смела возражать. Точно также поступал с Латоной и небожитель Зевс.

Атлант выросл. Ему уже было столько вёсен, сколько было пальцев на трёх руках, и... ещё немного. Она сама сосчитала.

Атлант всё больше становился похожим на отца. Был таким же высоким и красивым. Только без волос на лице. А ещё серьёзным. В его глаза она заглядывала уже робко, потому, что они были, как у отца. Атлант, по-прежнему, относился к своей матери мягко и ласково. Ей нравилось такое отношение к ней сына. Она даже не заметила, как поменялись роли в их маленькой семье. Не она его, а он теперь стал опекать её. Не навязчиво, но твёрдо. И это тоже было ей по душе. Она гордилась своим сыном.

Когда Атлант уходил с отцом, а «жуки» разбегались по углам, ей становилось одиноко. Она начинала грустить. Не занимали даже говорящие шары с живыми картинками. Они услужливо выплывали из потолка, стоило только ей появиться в комнате. Но Клейто не слушала их и не смотрела, как раньше. Было не интересно.

Она не любила ходить в гости к соплеменникам, которые жили на берегу самой крайней, и самой широкой круглой реки. Далеко было идти.

А недавно всё же посетила их. С тоски.

Многие, кого знавала, уже ушли к предкам. Эк, Ро и Тар куда-то надолго пропали. Остался один дряхлый Кру. Он стал совсем белым. Вождь ковылял, опираясь на клюку, но взгляд его, как и прежде, был остёр. Они вспоминали Иту, и у Клейто на глазах обильно выступала солёная вода. Старый вождь неуклюже утешал её, прикасаясь крючковатыми пальцами к её волосам. И ей становилось легче...

Перед её пещерой простиралась ухоженная лужайка. «Жука», который ухаживал за травой, она никогда не видела. Видно, работал ранним утром.

У Латоны была такая же лужайка. Но у Клейто, как она полагала, лужайка была лучше, потому что в углу лежал огромный синий камень, а посередине росло могучее дерево. У Латоны, конечно, тоже росли деревья, но выглядели они заметно хилее.

На лужайку выбежали Аполлон и Артемида. Брат и сестра лучились солнцем. Высокие и золотокудрые, они были восхитительны. За плечами тугие луки, а в колчанах тонкие стрелы. Ещё один лук и колчан Аполлон держал в руке.

Они остановились у дерева, напротив пещеры Клейто. Аполлон громко позвал:

– Атлант!

Артемида последовало примеру брата. Её высокий голос прозвучал ещё громче:

– Атлант! Иди к нам!

Клейто увидела, как из дальней комнаты выскочил её сын.

– Мать Клейто, я к ним!

Она кивнула головой. Атлант стремительно бросился к выходу и присоединился к своим братьям – друзьям.

Мать проследила за ним глазами. Её сын, как две капли воды, был похож на Аполлона, как и их отцы, друг на друга. Юные атланты вступили в оживлённый разговор. Часто смеялись. Клейто захотелось узнать, о чём они говорят. Она уже немного понимала их язык. Мать Атланта вышла на улицу и обосновалась позади раскидистого куста. Отсюда было лучше, и слышать, и видеть.

Неожиданно к ней примкнула Латона. Клейто фыркнула: куда же без тебя! Они смерили друг друга снисходительными взглядами, и стали молча любоваться своими, ненаглядными отпрысками. Клейто вознамерилась слушать только Атланта, а Латона, естественно, только Аполлона и Артемиду.

Говорил Аполлон:

– Атлант, предлагаем тебе посостязаться с нами в стрельбе из лука?

Атлант поправил его:

– Ты хотел сказать, с тобой?

Аполлон покачал головой.

– Нет. Со мной и Артемидой!

Его двоюродный брат удивлённо спросил:

– С Артемидой?

Аполлон улыбнулся.

– Она так же мастеровита, как и мы.

Атлант пожал плечами.

– Хорошо. Только дадим ей фору в одну стрелу.

Артемиде запротестовала:

– Нет, Атлант. Я буду состязаться с вами на равных!

Клейто краем глаз заметила, как Латона, слушая своих чад, млеет от умиления.

Атлант согласился:

– Хорошо, Артемиде.

Но поинтересовался:

Ответь только, зачем тебе стрелять из лука? Ведь это удел мужчин.

Юная богиня задорно ответила:

– Хочу стать охотницей!

Её двоюродный брат удивился:

– Зачем?

Она мечтательно распахнула свои глаза.

– Люблю простор и волю!

Атлант спокойно заметил:

– Всё это можно любить и без оружия.

Артемиде капризно сморщила губки.

– Не интересно!

Атлант обратился к Аполлону:

– Каковы правила состязания?

Последовало краткое:

– Сейчас увидишь.

Аполлон воткнул нож в ствол дерева на уровне груди. На рукоятку ножа аккуратно положил крупное, красное яблоко.

Из засады, где затаились Клейто и Латона, ристалище было видно, как на ладони.

Аполлон пояснил Атланту и Артемиде условия состязаний:

– Яблоко – цель. Стреляем с расстояния в тридцать шагов. Три стрелы – три яблока.

Стрелок, попавший в цель, ставит новое яблоко для следующего стрелка. Побеждает тот, кто лучше стреляет. Я принёс нужное количество яблок.

Пересчитал.

– Ах, одно лишнее.

Атлант взял лишнее яблоко и попробовал его.

– Сладкий плод.

Аполлон философски заметил:

– Плод победы ещё слаще.

Он отмерял три десятка шагов и положил небольшой камень, вместо барьера.

Обратился к юным небожителям:

– Всё. Кто начнёт?

Атлант и Артемида нерешительно переглянулись.

Аполлон решительно поднял руку.

– Начну я!

Подошёл к барьеру. Стал боком к мишени, выставив вперёд левую ногу. Не торопясь достал тонкую стрелу. Прицелился. Зазвенела тетива и стрела, пронзив яблоко, воткнулась в ствол дерева. Яблоко, развалившись на две части, упало вниз.

Артемида радостно зааплодировала.

Атлант улыбнулся.

– Это яблоко уже съесть нельзя. А жаль.

Матери – болельщицы, укрывшиеся за кустом, одинаково хорошо видели и стрелков, и цель, в которую те пускали свои стрелы.

Между тем, виновник торжества положил новое яблоко на рукоятку ножа, и забрал свою стрелу.

Бойко спросил:

– Кто следующий?

Артемида смело стала к барьеру.

– Я!

– Прекрасно! Теперь очередность стрельбы из лука на ристалище установлена.

Юные атланты весело развлекались, не подозревая, что за ними наблюдают и за них болеют самые заинтересованные персоны на свете, их матери.

Выстрел Артемиды. Её стрела тоже ударила точно.

Латона подпрыгнула от радости и негромко захлопала в ладоши.

– Артемида, хорошо! Аполлон, хорошо!

Торжествующе покосилась в сторону подруги – соперницы: смотри, как умеют мои!

Успех детей Латоны Клейто отметила напряжённым сопением. Переживала за собственное чадо: а вдруг оно промажет? Потом успокоила себя: ну и что? Всё равно её Атлант лучший! Но сопеть не перестала.

Стрела её сына зацепила бок яблока, и оно свалилось в траву.

Теперь возликовала Клейто. Но прыжков вверх не было, потому что она возрадовалась внутренне.

– Атлант, хорошо!

Тем временем открылся второй тур состязаний.

Аполлон, потрянув золотыми кудрями, прицелился. Латона затаила дыхание. Она сама бала готова полететь в цель вместо стрелы, чтобы поразить её!

Зазвенела тугая тетива, и быстрая стрела Аполлона точно ударила в цель!

Латона облегчённо выдохнула. Её глаза светились от гордости.

– Аполлон, снова хорошо!

Её соперница холодно промолчала.

К барьеру подошла Артемида. Сама, как стрела, гибкая и стройная. Выстрел и её стрела поразила яблоко.

Латона сдержанно взвизгнула:

– Артемида, хорошо!

Соперница заревновала.

– Чего заладила: хорошо, да хорошо?

Гордо вскинула голову.

– У Атланта, тоже, всё будет хорошо!

Подошла очередь Атланта. Клейто напряглась: наступил момент истины! Латона снисходительно посмотрела в её сторону. Клейто ответила симметрично. Может, даже выразительней. Её подруга обиженно отвернулась.

Юный Атлант прицелился и пустил свою стрелу. Она вонзилась в дерево немного выше цели. Свой промах юный бог воспринял с олимпийским спокойствием. Зато мать его горестно всплеснула руками. А соперница матери хихикнула. Негромко так, а потому, ещё обидней.

Клейто заносчиво выпрямилась.

– Атлант, всё равно, хорошо!

Соперница хихикнула ещё раз.

– Не попал!

Клейто безапелляционно оправдала промах сына:

– Атланту достался кривой лук!

Оппонентка ехидно возразила:

– У Аполлона и Артемиды луки тоже кривые!

Клейто решительно отмела аргумент соседки:

– У Атланта кривее!

Латона замолчала. Не стала спорить. Да и зачем? Может у Атланта лук, действительно, кривее, раз он не попал.

В этот момент Аполлон прицелился в третий раз.

Наблюдатели притихли.

Яблоко снова разлетелось на куски. Атлант и Артемида заплодировали.

Атлант заключил:

– Три попадания из трёх. Сильно. Ты искусный стрелок, Аполлон! Мне до тебя уже не дотянуться.

Аполлон улыбнулся.

– Сегодня, да.

Бросил быстрый взгляд на сестру.

– А Артемида сможет, если не промахнётся!

Будущая богиня охоты звонко ответила:

– Попробую не промахнуться!

Латону изнутри распирала законная радость. Да так сильно, что она могла лопнуть. Но терпела. Ждала выстрела дочери!

А Клейто, напротив, из-за промаха Атланта, внутренне съёжилась. Однако вида не подавала и, даже, важно надувала щёки.

Артемида отпустила тетиву. Её стрела, опять, ударила без промаха.

Юная богиня победно вскинула руки к небу.

– Я снова поразила мишень! Три раза к ряду! Как и ты, Аполлон! Я поделила с тобой лавры победителя!

С сочувствием посмотрела на атланта.

– Ты проиграл, Атлант. Не огорчайся. Выиграешь в следующий раз.

Аполлон был немного раздосадован итогами состязания, но вида не подал. Ему так хотелось покрасоваться на пьедестале в одиночестве, так хотелось. Не вышло. Артемида оказалась неуступчивой.

Он с вежливой улыбкой сказал:

– Я рад твоему успеху, моя Артемида. Достойная стрельба. Мы – победители!

Повернул золотокудрую голову в сторону своего двоюродного брата. В глазах ирония.

– А что нам, напоследок, предложит Атлант?

Сын Посейдона сжал губы. Лицо обрело жёсткое выражение.

– На этот раз я не промахнусь!

Готовился тщательно. Наконец, выстрелил. Стрела затрепетала опереньем сбоку от плода. Второй промах кряду! Плохо!

Аполлон воскликнул:

– Как жаль, мой Атлант!

Атлант пожал плечами. Мягко улыбнулся.

– В стрельбе из лука я не так твёрд, как ты, Аполлон, и как ты, Артемида. Признаю!

Латону, от гордости, раздуло до неприличия. А Клейто внутренне ужалась ещё больше.

Но при сильном психологическом конфузе, она достоинства своего не уронила.

– У Атланта была плохая стрела!

Её визави, от неожиданности, захлопала глазами.

– Что?

– Моему сыну досталась негодная стрела!

Фыркнула.

– Неужели тебе это не понятно?

Латоне, действительно, было не понятно.

– Как это стрела?

Её соперница уже уверовала в собственные фантазии, и уверенно боднула упрямой головой.

– Так это стрела!

Взбодрилась. Перешла в наступление.

– Ты видела, как она летела?

У бедной Латоны открылся рот.

– Не успела. Она летела так быстро...

– Плохо, что не успела увидеть, очень плохо!

Латона провокационно поинтересовалась:

– А как она летела?

Клейто негодуя усмехнулась.

– Она всё время виляла хвостом.

– Ну и что?

– Легкомысленная она, вот что!

Съёженные внутренности Клейто стали понемногу оправляться от полученных ранее горестей. Жизнь стала налаживаться. Она резюмировала:

– Причина неудачи моего сына в том, что ему попался кривой лук и вертящая стрела. Если бы не неправильные лук и стрелы, то Атлант легко стал бы победителем!

Клейто гордилась своей логикой. Внутренности её уже не только пришли в норму, но тоже стали понемногу раздуваться. Она снисходительно посмотрела на свою обескураженную подругу.

– Ты, наконец, поняла?

Латона сдалась.

– Поняла...

Между тем, Атлант сбегал к дереву, вытащил нож, забрал стрелу и целое яблоко.

Рассмеялся, глядя на наливное яблоко.

– Хорошо, что не попал. Теперь его можно съесть!

Смачно откусил.
– Аполлон, где ты взял такие, вкусные яблоки?
Его брат весело ответил:
– В саду Деметры.
Атлант удивился.
– Как ты туда попал? Вход в сад позволен только избранным.
Аполлон состроил хитрую мину.
– Тайком.
Атлант рассмеялся.
– Ты украл их?
Аполлон рассмеялся в ответ.
– Запретный плод всегда сладок!
Артемиде с лёгкой укоризной посмотрела на брата.
– Ах, Аполлон, как нехорошо!
Перевела взгляд на Атланта.
– Что делаем дальше?
Атлант оживился.
– Дальше? Бежим к большой воде!
Аполлон свалил всё вооружение у камня, который служил барьером. Повернулся к брату.
– Будем плавать?
У Атланта загорелись глаза.
– Там нас ждут мои друзья!
Крылатые брови Аполлона поползли вверх.
– Кто?
– Дельфины!
– Дельфины? Они твои друзья?
– Да. Они умны, как мы.
Аполлон с сомнением покачал головой.
– Как мы? Я так не думаю!
Атлант мягко спросил:
– Почему?
– Они – рыбы, а мы – атланты!
Теперь возразил Атлант:
– Ты не прав, мой Аполлон. Они разумны. Я знаю.
Его брат скептически усмехнулся.
– Как мы научимся их понимать?
Атлант посветлел. Он оседлал своего конька.
– Всё просто. Нужно лишь внимательно и терпеливо слушать их свист и понимание придёт само. Они ведь тоже мыслят.
– Свист?
– Это их речь.
Аполлон не унимался.
– Речь, чтобы её понимать, должна быть членораздельной.
Атлант горячо возразил:
– Да, язык общения этих морских существ не похож на наш язык. Согласен. Однако это не значит, что они неразумны.
Артемиде внимательно слушала спор братьев.
– Каков же их мир, Атлант?
У Атланта засияли глаза.

- Он свободен и прекрасен!
Перевёл дыхание.
- Артемида, представь, что ты стала дельфином.
Сестра Атланта беспомощно замахала руками.
- Мне сложно это представить.
Атлант мечтательно прищурил глаза.
- Когда слушаешь их голос, то в голове появляется картина. Вначале туманная, а затем яркая и чёткая. Ты в этой картине растворяешься. Ты попадаешь в мир дельфинов. Ты сам становишься дельфином! Это непередаваемо прекрасно!
- Скажи, Атлант, мне это будет доступно?
- Будет доступно, Артемида. Только нужно терпение.
- Много?
- Много.
- Артемида развела руками.
- Я нетерпелива. Люблю действие. Для меня миг, словно вечность!
Чуть призадумалась.
- За то я, кажется, понимаю лесного оленя.
- Понимаешь, или, кажется, что понимаешь?
- Юная охотница смутилась.
- Я не знаю, Атлант. Мне надо подумать.
Атлант повернул свою гривастую голову в сторону двоюродного брата.
- А ты, Аполлон?
- Боюсь, что язык дельфинов мне, тоже, будет недоступен.
Глубоко вздохнул.
- Мне по душе иное!
- Что?
- Музыка!
- Музыка?
- Да. Я её понимаю!
Атлант пожал плечами.
- Она мало чем отличается от свиста дельфинов.
Аполлон возразил:
- Отличается. Её сочиняют атланты!
- Артемида восторженно воскликнула:
- О, как прекрасен этот мир!
Подняла к небу свои глаза.
- Я хочу, чтобы жизнь на этой планете продолжалась вечно!
Аполлон заметил:
- Для этого надо, чтобы не упало небо.
Атлант улыбнулся.
- Не упадёт. Я подставлю под небесный свод своё плечо!
Они рассмеялись и побежали к большой воде...
- Клейто и Латона нехотя покинули своё секретное место. Теперь у них появилось достаточно времени, чтобы придирчиво рассмотреть друг друга.
Клейто медленно процедила:
- Вчера твоя причёска была лучше.
- Латона не осталась в долгу:
- Твоё сегодняшнее платье гораздо хуже вчерашнего...

Глава 3. Ход циклопа

Друзья проснулись поздно. Часы показывали десять утра. Неторопливо привели себя в порядок. Номер, который они сняли на втором этаже гостиницы, их устраивал более чем. Он включал четыре отдельные спальни с ванными комнатами при них, обширную гостиную и просторный холл. Живи, не хочу!

Завтракать решили в апартаментах. Собрались в гостиной, за необъятным, круглым столом. Этюаль сделал заказ. Из всей четверки, он лучше всех разбирался в кулинарии и парфюмерии. Никак, парижанин!

Завтрак, благодаря утончённому вкусу француза, удался на славу. И пока друзья ублажали себя гастрономическими вкусностями, Ярилов, перекусив на скорую руку, подошёл к окну. К еде он всегда относился достаточно индифферентно. Ему и за завтраком не давала покоя раритетная находка.

Стоя у окна, он стал осторожно вертеть её в своих руках. Безукоризненная поверхность предмета мягко серебрилась при дневном свете. Форма выглядела монолитной даже при прямом солнечном свете. И как не старался Ник, он снова не увидел на идеально гладкой поверхности вещицы, хотя бы намёка на технологические швы или стыки. Если таковые и существовали, то их невозможно было увидеть из-за, невероятно, тонкой подгонки деталей.

В этой связи, в памяти Ярилова всплыл случай, приключившийся с ним на Фобосе. На поверхности спутника Марса он тоже не нашёл, как не старался, признаков люка, через который небожители спускались в его недра. Не нашёл, хотя искал по месту и точно знал, где он находится. Видимо, и в том, и другом случае использовалась одинаковая, но не известная землянам, технология обработки материала.

Француз отодвинул в сторону объёмный сосуд, наполненный ананасовым соком. Иронично посмотрел на Ярилова.

– Ник, ну что ты, в самом деле? Оставь хоть на время свою железку. Всё равно, от твоих усилий толку немного.

Сделал приглашающий жест рукой.

– Иди к нам. Вкуси омара.

Ярилов аккуратно положил железку на подоконник.

– Ты, пожалуй, прав, Анри. Толку, действительно, пока мало. Иду обедаться.

Потёр ладонью в районе желудка.

– Надо хорошенько подзарядиться перед походом в супермаркет.

Позавтракав, друзья неспешно спустились в фойе гостиницы. На прогулку вышли налегке. Лишь у Ярилова на бедре болталась небольшая спортивная сумка. В ней лежала вчерашняя находка. Ник не рискнул оставить в отеле таинственный артефакт, истинную цену которому знал только он.

Обширное пространство фойе отеля было безлюдным. Кресла для отдыхающих и ожидающих пустовали. За высокой мембраной узкого аквариума бессмысленно фланировали экзотические рыбки.

Фонтанчик в центре овального бассейна лениво цедил воду. Комнатные пальмы, помещённые в декоративные терракотовые кашпо, ещё не проснулись.

Сонное безмолвие интерьера скрашивал единственный посетитель, стоящий рядом со стойкой дежурного администратора. Франтоватый молодой мужчина в дымчатых очках и с вульгарными усиками, видно только что вошедший, равнодушно знакомился с правилами внутреннего распорядка отеля. Или делал вид, что знакомился. На его физиономии была написана такая скука, что будь рядом с ним соловей, он бы точно запел вороной.

Друзья прошли к стойке. Единственный посетитель не удостоил их даже взглядом. Лишь когда они передавали служащему отеля ключ от апартаментов, снаряжённый непропорционально большим брелоком с номером, фронт рассеянно глянул в их сторону и лениво отвернулся.

Когда же четвёрка друзей вышла на улицу, он медленно приблизился к стойке.

Дежурный администратор дежурно улыбнулся.

– Чем могу быть полезен, молодой человек?

Фронт небрежно бросил:

– Хочу снять номер на двоих.

Служащий отеля продолжал улыбаться.

– С молодым человеком, естественно, будет дама?

Клиент в дымчатых очках покачал головой.

– Нет, мужчина.

Улыбка клерка моментально съехала. Было видно, что он натурал, и у него проблемы с толерантностью. Он брезгливо спросил:

– Где поселимся?

Посетитель зевнул, продемонстрировав в верхнем ряду зубов ярко выраженный промежуток.

– Второй этаж. Сделайте номер посередине.

Администратор поморщился.

– К сожалению, все апартаменты второго этажа заняты.

Поднял глаза на фронта с усиками.

– Могу предложить богатый выбор на третьем и четвёртом этажах.

Реакция фронтатого клиента была, неожиданно, категоричной.

– Меня устроит только второй этаж!

Администратор задумался.

– На втором этаже остался незанятым однокомнатный номер эконом класса. В конце коридора. Он вас устроит?

Посетитель кивнул.

– Вполне.

На лице клерка, вновь, обозначилось его отношение к толерантности.

– На какое время изволите снимать номер?

– На пару суток. Дальше посмотрим.

– Заселяетесь сейчас?

– Да.

Едва войдя в свой номер, фронт, тут же, стал звонить по нанофону...

В супермаркете друзья сразу же прошли в нужный им сектор. Юная девушка – консультант немало удивилась появлению в своём секторе сразу четверых молодых мужчин голливудской внешности.

Ярилов тактично поинтересовался:

– Владеет ли юная леди английским языком?

У юной леди, сквозь густой загар щёк, пробился румянец.

– Немного.

Ободряюще улыбнулся.

– Немного? Нас это устроит.

Спросил:

– Есть ли у вас в продаже лупа обыкновенная?

Девушка улыбнулась в ответ.

– Есть. Несколько видов. Увеличение трёхкратное.

– Трёхкратное увеличение? Прекрасно.

Ярилов чуть задумался.

– Скажите, милая леди, а что-нибудь с большей разрешающей способностью у вас имеется?

Щёчки юной леди порозовели ещё больше. Было видно, что ей льстило общаться с красивыми, крепкими и, к тому же ещё и интеллигентными мужчинами.

В их разговор вклинился Этуаль:

– Микроскоп предлагать не надо.

Стар поддержал Этуалья:

– И телескоп тоже.

Четвёрка рассмеялась.

Девушка смущённо предложила:

– Есть бинарная система. Она увеличивает в шесть раз.

Француз улыбнулся своей неотразимой улыбкой.

– Вот как? Не дурно, совсем не дурно. Только бы весила немного, а то не унесём.

Наивная девушка замахала ручками.

– Что вы! Система весит не больше лупы. Берёте?

Анри одарил девушку ещё одной улыбкой.

– У такой красивой девушки и не купить бинарную систему? Это же, просто, преступление. Берём и немедленно!

Ярилов положил на стеклянную тумбу свою спортивную сумку.

– Милая леди, а не найдётся ли у вас прибора, измеряющего, скажем, уровень радиации. А если, попутно, он ещё сможет фиксировать и напряжённость электромагнитного поля, то тогда цены ему не будет.

Леди мило кивнула.

– Есть. Это учебный дозиметр.

Россиянин искренне обрадовался.

– Прекрасно. Посмотреть можно?

Девушка неторопливо отыскала искомый прибор. Внешне он был похож на свирель. Что-то включила. На боку загорелись зелёные глазки. Рядом с каждым глазком помещалась кнопка.

Улыбнулась.

– Вот!

Ник изобразил на своём лице полную беспомощность перед мощью технического прогресса.

– Милая девушка, Вы сильно облегчите мою участь, если научите обращаться с этим чудом техники.

Девушка охотно согласилась.

– Конечно. Здесь ничего сложного нет.

Ярилов благодарно выдохнул.

– Тогда продемонстрируйте, пожалуйста, работу вашего агрегата, хотя бы на этом предмете.

Он невинно пододвинул свою спортивную сумку, с артефактом внутри, поближе к юному консультанту с дозиметром.

Та приблизила, одной рукой торец прибора к поверхности сумки, а другой рукой, последовательно, одна за другой, утопила все кнопки.

Ярилов, с волнением, ждал результата. Однако, глазки «свирели», как горели оптимистичным зелёным светом, так и продолжали гореть.

Николай облегчённо вздохнул: обошлось без неприятных сюрпризов. Прекрасно!

На всякий случай, он бодро поинтересовался:

– Что там у нас показал прибор?

Юный консультант удивилась:

– А что он должен показать? У вас же сумка, а не атомная бомба.

Ярилов согласился:

– Что верно, то верно.

– Прибор зафиксировал фоновый уровень радиации. Ваша сумка безвредна, как, впрочем, и все предметы вокруг.

Россиянин продолжал изображать наивного человека.

– Вот как? Ну, спасибо.

Итак, дело сделано. Реликтовая находка ничего не излучает. Это хорошо. Надобность в дозиметре отпала автоматически.

Ярилов спросил:

– Сколько стоит это чудо научной мысли?

Девушка назвала смешную цену.

Ярилов незаметно подмигнул Этуалю: «Разберись с ней!».

Француз плотоядно улыбнулся девушке.

– Милая леди, я должен довести до вашего сведения, что приборы, предложенные вами, стоят целого состояния. Нам по карману купить только один из них. Чтобы не разориться окончательно. По этой причине, берём только бинарную оптическую систему.

Пролонгировал улыбку.

– Но не хлебом, что называется, единым. Скажите, милая леди, а какая у нас сегодня дорожная карта на вечер?

Не дождавшись ответа, продолжил:

– Я горю желанием предложить вам...

Оставив француза флиртовать с королевой торгового сектора, россиянин присоединился к немцу и американцу, стоящим в сторонке.

И тут он почувствовал своей спиной чей-то взгляд. Резко оглянулся и лишь на мгновение увидел того, кто смотрел ему в затылок. Человек мгновенно растворился в толпе. Его лицо показалось Ярилову знакомым. Так и есть. Это был тот самый человек с лицом идиота, который три дня назад, бесцеремонно, глазел на их столик, в летнем кафе.

Что это? Слежка или случайное совпадение? Если слежка, то кто за этим стоит? Кому нужны чужие люди в чужом городе? Какой-то абсурд! И, тем не менее, россиянин решил для себя, что этот эпизод нужно взять на заметку.

Ярилов не ошибся. По наущению Циклопа, за ним и его товарищами, действительно, шпионил тип по кличке Даун.

Боясь быть узнанным, шпик поспешил покинуть супермаркет. Притаившись за углом, он связался с отелем. Франт с вульгарными усами, он же Щербатый, остался, весьма, доволен звонком. Крутая четвёрка залётных фраеров вернётся не скоро. Отмашка на обыск их апартаментов дана. Теперь предприятию мог помешать только кто-нибудь из обслуживающего персонала, или нелепый случай. Однако Щербатый основательно проштудировал правила внутреннего распорядка учреждения, и с этой стороны подвоха вроде бы не ожидалось. В его расположении, предположительно, было два часа. Хотя ему, опытному квартирному вору, по его собственному расчёту, хватило бы и полтора.

Щербатый и его подельник Заика спокойно оставили свой номер и, тихо прошагав по пустынному коридору, остановились у апартаментов космической четвёрки. Заика вытащил внушительную связку отмычек и хладнокровно открыл дверь.

Оглянулись. Коридор, по-прежнему, был пуст. Вошли и заперли за собой дверь.

Щербатый, на всякий случай, строго проинструктировал своего партнёра по «бизнесу»:

– Не оставляем никаких следов. Работаем только в перчатках. Предметы не двигаем, не переставляем. Потревоженные предметы ставим, строго, на старое место. Ничего не приватизируем.

Зафиксировался на бегающих глазах Заики.

– Понял?

Подельник кивнул.

– По – по – понял.

Опытный специалист по тайному, но безвозмездному изъятию квартирных ценностей, Щербатый прекрасно понимал, что Заика, по профессии, карманник и у него может сработать условный рефлекс на присвоение разных мелких штучек, включая деньги.

Главным объектом их будущих изысканий была цилиндрическая кубышка залётных лохов. Брать что-то сверх этого Циклоп категорически не рекомендовал. Рыли основательно. Просмотрели все платяные шкафы, не только изнутри, но и снаружи. Обшарили ванные комнаты. Не побрезговали покопаться в сливных бачках унитазов. Обследовали все люстры, бра, торшеры и настольные лампы. Не поленились прощупать и простучать все диваны, кресла и кровати. Добрались, даже, до вентиляционных каналов. Правда, решётки рушить не решились. Основательно прошлись по чемоданам. Все они, к глубокому удовлетворению экспроприаторов, оказались не запертыми.

Франт и его коллега старались работать так ювелирно, чтобы хозяевам чемоданов и в голову не пришло, что в их вещах кто-то копался.

При работе с чемоданами, Заика, всё-таки, дал слабину и уступил натиску условного рефлекса. Что тут поделаешь? Руками Заика работал всегда оборотистой, чем своей головой, или языком.

А приватизировал он всего одну стодолларовую купюру из одного чемодана, да пару золотых запонки из другого. Грех было не взять. Купюра вызывающе просвечивалась сквозь тонкую ткань нагрудного кармана белоснежной рубашки, аккуратно уложенной сверху. А футлярчик с запонками он выудил в самом уголке другого чемодана. Это была такая мелочь, что, по его мнению, хозяева о ней и не вспомнят. Главное, чтобы не заметил Щербатый. Иначе у Заики могли появиться крупные неприятности.

Несмотря на все старания, экспроприаторы заветную кубышку так и не нашли.

Апартаменты залётных бакланов они покинули так же незаметно, как и проникли туда, не забыв, при этом, запереть за собой дверь. Поступили, как настоящие джентльмены.

Походкой лордов прошли в свой номер. Тут же донесли шефу о результатах работы. Шеф, естественно, расстроился, но присутствия духа не потерял. Он высказал предположение, что у залётных бакланов тоже есть голова, и что они могли взять кубышку с собой. Настоял на усилении наблюдения за ними...

Выйдя из супермаркета, беспечная четвёрка неспешно прошла по местному Бродвею. Городишко не впечатлил. Выглядел немного потёрто и достаточно скучно. Но он был не виноват. Так выглядят все провинциальные города. Не он первый, не он последний.

Начинало основательно припекать. Свернули к океану. Вышли на пустынный пляж. Видно, народ предпочитал купаться и загорать до обеда.

Океан!

Его было так много, что вода перетекала в небо. Зрелище и прекрасное и подавляющее воображение своей мощью.

Стоял полный штиль. Солнце катило в зенит и замело остатки утренней свежести в потаённые, синие тени.

Ярилов раскинул руки в стороны.

– Красотища!

Этуаль разделил его восторг:

– Кто бы спорил!

Штерн расстегнул рубаху и полной грудью вдыхал морской воздух.

– Прелестно!

Стар снял туфли. Начал торопливо раздеваться.

– Я – первый!

Бултыхнулись в вожденную прохладу. Хрустальная гладь разбилась вдребезги. Миллионы её сверкающих осколков разлетелись в разные стороны.

– Хорошо!

Искупались от души. Так наплавались, что едва выползли на песок. И как водится после каторжной работы, им захотелось есть. Обильный обед в ближайшем кафе, или ресторане стал бы отличным продолжением дня. А дальше, младенческий послеобеденный сон.

Набрели на первое попавшееся кафе. В поисках прохлады уселись в глубине зала. Полумрак настраивал на лирический лад.

Снова доверились вкусу Этуалья, и тот, как всегда, оказался на высоте. Обед, на их оголодавший взгляд, показался сносным, учитывая, разумеется, возможности заведения.

Отведав довольно прилично приготовленного чоризо, Николай потянулся за салфеткой и обмер. На зеркальной поверхности прибора для салфеток отражался дверной проём с осторожно зыркающей головой. Подглядывающая голова имела явные признаки олигофрении на лице. Картинка была достаточно чёткой, чтобы не ошибиться в деталях. Это был старый знакомый!

Теперь у россиянина сомнений не осталось: за ними установлена слежка!

Он тихонечко толкнул локтем, сидящего рядом, американца.

– Джимми присмотришься внимательно к отражению на приборе для салфеток. Только, не оглядывайся назад. Спугнёшь птичку.

Американец с удивлением посмотрел сначала на россиянина, а потом на отражение.

Ярилов тихо спросил:

– Ну?

Стар заговорщически ответил:

– Вижу вход в зал и чью-то голову, выглядывающую из-за двери.

– Присмотришься внимательней к физиономии человека.

Стар прищурился.

– Напоминает олигофрена.

Ярилов усмехнулся.

– Этот тип тебе знаком?

Стар брезгливо поморщился:

– Ты шутишь, Ник!

Ярилов покачал головой.

– Должен тебя разочаровать, Джимми. Он тебе знаком. Это тот самый даун, которому ты позавчера удружил двадцатидолларовую купюру.

Американец недоверчиво посмотрел на россиянина.

– Что? Не может быть!

Ещё раз обратился к зеркальному прибору. На этот раз более заинтересованно. Но голова в отражении уже исчезла. Увы!

– Жаль. Скрылся.

Француз оторвался от своей тарелки.

– Парни, о чём это вы так самоотверженно спелись?

Взглядом пригласил в союзники немца.

– Поделитесь. Нам с Рикко будет интересно.

Россиянин чуть нахмурился.

– Помните позавчерашнего типа в яркой рубашке с признаками олигофрении на лице, и с двадцатидолларовой купюрой нашего друга, Стара, в кармане?

Компания рассмеялась.

Ярилов продолжил:

– Так вот, этот тип тайно следил за нами в супермаркете. Я свидетель. А теперь объявился здесь. Тоже тайно. Надо полагать, с той же целью.

Этуаль сострил:

– Ему, должно быть, понравились доллары Стара. Захотелось ещё. Вот и ходит за нами вслед. С надеждой!

Ник в ответ покачал головой.

– Если бы так.

Немец пожал плечами.

– Что бы это могло значить? Мы под колпаком какой-нибудь спецслужбы?

Американец возразил:

– Не думаю. Даунов туда не берут. Хотя идиотов хватает и там.

Немец выдвинул другую версию:

– Тогда, может, местная мафия?

Россиянин кивнул.

– Это ближе к истине.

Француз был сильно удивлён содержанием разговора.

– Помилуйте, мальчики, а не слишком ли мы далеко зашли? Зачем мы им нужны? Подумайте над тем: кто они и кто мы? В посыле нет ни логики, ни мотивов.

Усмехнулся.

– Теперь несколько слов о несчастном дауне. Он, как кошка, гуляет, где хочет, а потому иногда мозолит нам глаза. Ну и пусть себе мозолит дальше. Я в том беды большой не вижу.

Ярилов, с сомнением, покачал головой.

– Хорошо, если так. Но эта свободная кошка почему-то упорно не желала попадаться нам на глаз, хотя следила за нами. Таилась. Зачем? Этот тип с лицом идиота, на мой взгляд, не так прост, как кажется. Впрочем, время покажет.

Реплика Ярилова произвела впечатление. В отель четвёрка возвращалась с подпорченным настроением. То один, то другой оглядывались назад. Хвоста, кажется, не было. Но это не факт, что его не было вообще. Настоящий хвост себя не рекламирует...

В апартаментах утончённый француз первым почувствовал, что здесь что-то не так.

Сморщил нос.

– Фу, какой вульгарный запах! Его раньше не было.

Россиянин удивился.

– Ты о чём, Анри?

Вместо ответа, Этуаль, как ищейка, стал обнюхивать одежду своих друзей.

Удовлетворённо улыбнулся.

– Поздравляю вас. Вы настоящие джентльмены. У вас хороший вкус.

Теперь уже удивился немец.

– Анри, объясни, пожалуйста, в чём дело?

Француз ответил:

– Дело в том, что нашу обитель, в наше отсутствие, посетил кто-то чужой!

Американец с сомнением покачал головой.

– Откуда ты знаешь?

– Откуда? Они оставили запах. Грубый и неприятный.

Американец потянул носом.

– Я не чувствую никакого запаха.

Француз спокойно отреагировал:

– Зато его чувствую я, Джимми.

В разговор вклинился Ярилов.

– Запах мог оставить кто-то из обслуживающего персонала. Ты не допускаешь такую версию?

Этуаль брезгливо поморщился.

– Не допускаю. Я имел удовольствие видеть всех, кто нас обслуживает. Запах от них, конечно, не мёд, но, всё же, не такое «фи», которое оскорбляет моё обоняние сейчас.

Вынес вердикт:

– Это запах низкопробного притона!

Ярилов нахмурился.

– Тогда у меня ко всем вам вопрос на засыпку: как называется человек, который без спроса вошёл в ваш запертый дом, в ваше отсутствие?

Немец развёл руки в стороны.

– Что здесь гадать? Это вор!

Россиянин согласился:

– Прекрасно. А теперь давайте проверим, что у нас пропало.

На первый взгляд, казалось, не пропало ничего. Как лежали на туалетном столике, в ванной комнате, «командирские» часы Ника, так и остались лежать. Никуда не исчезла портативная цифровая камера Штерна. Она, по-прежнему, висела на стене. Никуда не делся крутой нанофон француза, который он беспечно забыл на диване. Никто не реквизирует навороченный браслет американца, с встроенными в него сенсорными датчиками. И, наконец, супермодный галстук немца с бриллиантовой булавкой как висел на спинке стула, так и продолжал висеть.

У четвёрки немного закрались сомнения на счёт тати.

Стали рыться в чемоданах. И здесь, к общему изумлению, Этуаль обнаружил пропажу сотенной купюры, а скрупулёзный Штерн не нашёл футляра с золотыми запонками.

Странно.

Друзья пребывали в приятном недоумении. Какой интересный вор? Оставил нетронутыми ценные вещи, а покусился на сущую мелочь. Чтобы всё это значило?

Россиянин задумчиво произнёс:

– Это был непростой вор...

Француз с ним согласился:

– Похоже на то.

Россиянин задался вопросом:

Тогда зачем он приходил? Не из спортивного же интереса. Альтруистов среди этих ребят нет.

Анри углубил тему:

– Думаю, они приходили неспроста. И не за безделушками, пусть даже и дорогими. Нет, не за ними! Их интересовало нечто, более существенное...

Ника осенило:

– Ты прав, Анри! Ты прав! И как я до этого не догадался раньше!

Американец с любопытством посмотрел на россиянина.

– Ник, поделись своим открытием. Нам тоже интересно.

И Ярилов поделился:

– Всё просто. Скорее всего, этот человек охотился за вещицей, которую мы нашли на острове. Именно её он искал в наше отсутствие. И только её. Запонки не в счёт. Запонки – случайность.

Усмехнулся.

– Хорошо, что находку я взял с собой. А ведь мог оставить в номере. И как ещё мог!
Потёр тонкими пальцами лоб.

– Если следовать их логике до конца, то они, сначала, заинтересовались нами. Почему заинтересовались? Потому, что мы для этих мест выглядим вызывающе круто, уж слишком киношному. Особенно, когда вместе. Устроив за нами слежку, они случайно вышли на нашу находку.

Заклучил:

– И теперь интересуются ею!

Штерн недоверчиво покрутил головой.

– Звучит маловероятно.

– Почему?

– Зачем она тем, кто послал вора? Мы сами о находке ничего не знаем.

Россиянин возразил:

– Они могли подумать, что это контейнер для хранения чего-нибудь ценного? Могли!

Немец пожал плечами.

– А что можно хранить в таком маленьком объёме? Почти ничего!

Скептически усмехнулся.

– Для хранения золота, валюты, наркотиков и ещё, чего-то, что их интересует, он не годиться.

Николай снова возразил:

– Зато он прекрасно подходит для хранения и транспортировки, к примеру, драгоценных камней или чего то, ещё, очень нетривиального. А при ней ещё и мы, четверо отборных молодцев. Это придаёт ей вес.

Немец изумился.

– Но мы же достаточно известные люди, чтобы принимать нас за подозрительных парней!

Россиянин улыбнулся.

– Согласен! Однако те, которые за нами следят, возможно, об этом не догадываются.

Усмехнулся.

– Держу пари. что они даже не смотрят на звёзды!

Немец продолжал приводить свои аргументы:

– Допустим. Но как они узнали о существовании контейнера? Ведь кроме нас, о находке не знает никто.

– Как? Подсмотрели. С них станется.

– Каким образом? Мы никому её не показывали!

Ярилов спокойно ответил:

– Мы рассматривали её, стоя у окна? Рассматривали! Этого достаточно.

Немец не сдавался.

– Ну и что? В радиусе полумили вокруг отеля ничего нет. Как можно подсмотреть?

Россиянин привёл свой аргумент. Он оказался весомым:

– А для чего существуют, скажем, подзорная труба, бинокль, или, на худой конец, оптика снайперской винтовки?

Аргумент россиянина, кажется, убедил немца:

– Т – а – а – к. Что дальше?

Россиянин уверенно ответил:

– Свой ход они сделали. Ответный ход за нами!

Глава 4. Контакт

Команда Илы двигалась обычным порядком. Эк и Ро шли впереди. За ними следовали Нот и Энион. Ила и Тар замыкали группу.

Солнце катило в зенит. От утренней свежести не осталось и следа. Становилось душно. Движение путешественников замедлилось. Досаждали жара и назойливые насекомые. Подошла пора подумать о привале с тем, чтобы пережить полуденное пекло. Оставалось, как всегда, найти глубокую тень с освежающим ветерком, да ручеёк поблизости.

И такой оазис, кажется, впереди замаячил. Уставшие путешественники, в предчувствии желанной прохлады и покоя, прибавили шагу.

Ила, идущий в группе предпоследним, неожиданно услышал за своей спиной звуки, напоминающие жалобные стенания обиженного выхухоля. Звук небожителю показался странным. Ведь позади него находился лишь Тар. А он всегда шёл мягко и неслышно. И, главное, никогда не стenal, как это маленькое, любящее воду, млекопитающее.

Небожитель оглянулся и обомлел. Он увидел трагикомичную картину. Тар, с зелёным лицом и квадратными глазами, медленно пятился и делал амплитудные, маятниковые движения своим корпусом. Он же, судя по всему, и был источником жалобного звука. Над ним нависала туша пещерного медведя. Хищник наступал, поочерёдно молотя своими могучими лапами по воздуху. Он пытался прихлопнуть, ускользящего в самый последний момент, проворного охотника. Гигантские когти зверя полосовали пустоту в считанных миллиметрах от трепещущей плоти несчастного. Видно хозяину территории, а это был уже пещерный медведь, надоело индифферентно сопровождать незваных гостей, и он решил активизироваться. В то время как, зверь пытался сократить дистанцию, охотник упорно старался её удержать. При этом один из них пребывал в шоке, а другой в недоумении.

Бедный Тар!

Выражаясь языком шахматистов, зверь загнал его в положение цугцванга. Охотник, из-за дефицита времени и внутреннего напряжения, не только не мог воспользоваться оружием, но и вскрикнуть, как следует. Вместо могучего возгласа получался жалкий писк. По-другому, не получалось. Даже малый сбой в концентрации мог стоить ему жизни! Поэтому ему только и оставалось, что качать свой «маятник», да тонко стенать. Зверь же играл в «молчанку» по другой причине. Он, видно, не желал привлекать внимание других двуногих. Но у него не получилось. В игру включился небожитель.

Ила ситуацию оценил мгновенно. Дела у Тара выглядели очень неважно. Надо было экстренно их поправлять.

Атлант стремительно шагнул навстречу зверю и упёрся взглядом в его глаза. Хищник поймал его взгляд и отвёл свои маленькие глазки в сторону. Ила напрягся, как перетянутая струна. На лбу выступили бусинки пота.

И тут случилось необъяснимое. И для охотника и для зверя. Сначала одна лапа клыкастого медведя уткнулась в невидимую, но непреодолимую преграду, потом другая. Ещё одна попытка. Результат тот же. Совсем рядом маячила добыча, а дотянуться до неё было невозможно. Зверь заволновался: ведь так он мог остаться без обеда!

Между тем несчастный Тар, наконец, пришёл в себя. Он поспешно сделал несколько шагов назад, поближе к небожителю. Медведь на мигновение замер.

Что это?

Неужели добыча уходит?

Нет, так не пойдёт!

Это несправедливо!

Манёвр охотника зверю совсем не понравился. Лохматый и могучий хозяин леса теперь, по-настоящему, пришёл в ярость. Он взревел и бросился вперёд. Однако невидимая сила оставила его и легко отбросила на исходную позицию. Зверь ошалело крутанул головой и сделал вторую попытку. Результат получился тот же. Препграда уступать не собиралась. Он беспомощно сполз вниз, к основанию невидимой стены, как капля дождя по мокрому камню. Сидя на крестце, он, вдруг, с ужасом осознал, что оказывается на свете существует сила, которая круче его собственной. Факт весьма и весьма прискорбный!

Появилась опасность того, что теперь не он закусит двуногим, а скорее двуногие съедят его самого. И тогда он испугался. Да так сильно, что тотчас дала знать о себе медвежья болезнь. Она неизменно обнаруживалась в минуту перепуга у каждого медведя. Даже у самого свирепого. Причём внезапно. Такая уж у них, у медведей, судьба. Его могучий рык мигом сменил тональность. Вместо него появился тоненький, пацифистский звук, отдалённо напоминавший блеяние заблудшего козлёнка. Зверь медленно поднялся с пятой точки и неуверенно стал на четыре опоры. Его могучие лапы дрожали. На том месте, где он только что сидел, обнаружилась, солидная по размерам, медвежья «неожиданность». Она курилась и пахла.

К месту происшествия тут же стянулась вся группа. Многочисленное присутствие двуногих существ, с шерстью только на голове, окончательно напугало зверя. Похоже, они сбегались для того, чтобы покусать его! Не выйдет! Он никому не позволит испортить свою шкуру!

И грозный зверь позорно ретировался. Гораздо быстрее, чем следовало ожидать от солидного хозяина территории. Рванул, не разбирая дороги, прямо через колючие кусты. Бежал, не оглядываясь и не сбавляя темпа до тех пор, пока не скрылся в лесу.

Страсти улеглись.

Напряжение спало.

Поднялось настроение.

Теперь захотелось посмеяться. Право, было с чего.

Первым залиvisto рассмеялся Эк. Он красноречиво указывал пальцем, то на убегающего медведя, то на оставленный им неожиданный «подарок». От смеха его длинная фигура сложилась вдвое.

Вслед за Эком захохотал Ро. Он смеялся так самозабвенно, что из глаз его потекла солёная вода.

Улыбнулись атланты. Они тоже нашли случай забавным.

Один только Тар продолжал стоять с каменным лицом и выпученными глазами. Стоял долго. Потом разобрало и его. Тар вначале смеялся вместе с Ро и Эком. Но и после того, как его друзья уже устали смеяться, он продолжал хохотать с неиссякаемым энтузиазмом.

Глядя на хохочущего друга, радостное возбуждение на лицах Ро и Эка нехотя померкло. Потом оно сменилось недоумением, а под конец вообще испугом.

Эк с беспокойством спросил у Илы:

– Что с ним?

Небожитель спокойно ответил:

– Ничего особенного.

Ро недоумённо хлопнул глазами.

– Тогда почему Тар так долго смеётся?

Нервно шмыгнул носом.

– Нам уже давно не смешно.

Небожитель улыбнулся.

– Он позже начал смеяться...

Через несколько дней после памятной встречи с пещерным медведем, путешественники, наконец, вошли в телепатическое пространство диких людей. Однако первый телепатический контакт с внутренним миром пещерных братьев по разуму, если сравнивать его с музыкой,

напоминал сущую какофонию. Небожителям же хотелось слушать сольные мелодии. Прозрачные и внятные.

Требовалось подойти ещё ближе.

И только к вечеру следующего дня «оркестр» стал распадаться на отдельные «соло». Теперь атлантам представилась возможность глубже познать внутреннюю природу тех, кто угрожал их городу. Узнать: кто они? О чём думают и чем дышат? Если, конечно, они вообще способны мыслить и чувствовать, как разумные существа.

Телепатический эксперимент начался. Каждый из небожителей выбрал себе респондента индивидуально.

Эниону достался, судя по всему, подросток. Со своим внутренним миром и своими проблемами. Атлант приготовился к восприятию фрагментарных, бессвязных всплесков мысли. Что было бы вполне естественным для подростка вообще, и тем более для подростка пещерного человека. Однако, к удивлению своему, он ошибся. Конечно, сканируемые им, телепатические импульсы особой последовательностью не отличались, но и критических провалов в течении его мысли тоже не наблюдалось. Постепенно перед внутренним взором небожителя открылась вся нехитрая история мальчика.

Атлант сразу же догадался, что мальчик находится в подавленном состоянии духа. Он с детским максимализмом горевал о потере. От обиды ему даже хотелось плакать.

Хотя ещё вчера подросток был счастлив. Счастье его было в том, что он обладал собственным «копьем». Маленький охотник нашёл его в лесу, в густой траве. Это была ровная, отполированная ладонями, палка. С одного конца она была заострена. В его воображении, палка была настоящим копьем. Обладание этим сокровищем наполняло маленькое сердце радостью.

Подросток гордился своей находкой. Он не расставался со своим «копьем» ни днём, ни ночью. И это ничего, что «копье» было большим, а он маленьким.

Совсем не беда!

Однажды наступит время и он почувствует, что «копье» приходится ему в самый раз. И тогда он крепко-накрепко привяжет к концу палки острый каменный наконечник и воображаемое «копье» превратится, наконец, в настоящее! И станет метать его не перед собой, как сейчас, а далеко-далеко. Может быть даже дальше, чем самый проворный и сильный охотник.

Но мальчика обидели, разрушив его мечту.

Однажды мальчик слишком далеко забрёл в лес и оказался среди незнакомых ему людей. К нему подошёл чужой и наглый подросток. Он был выше и крупнее человечка с «копьем». Глаза его смотрели цинично и жадно. Ему приглянулась красивая и ровная палка незнакомого мальчика. Не церемонясь, он грубо вырвал её из рук юного охотника и вальяжно отправился восвояси.

Сначала мальчик опешил, но потом бесстрашно бросился на своего обидчика. Он хотел вернуть своё «копье» обратно. Они сцепились в драке. Однако силы были неравны. В этой схватке мальчик уступил. Увалень повалил его на землю и несколько раз ударил ногой. Было больно. Потом он ушёл, унося с собой «копье». Уходил неторопливо, не оглядываясь, будучи уверенным в своей полной безнаказанности.

Маленький охотник не смог преследовать своего обидчика. У него не осталось сил. Он истратил их в схватке. Ему оставалось только сдавленно плакать. От бессилия.

Тем не менее, маленький, но несломленный человечек хорошо запомнил своего обидчика. Он дал себе слово, что когда подрастёт и наберётся сил, то обязательно отыщет верзилу и вернёт ему свой долг...

Чем глубже атлант вникал в наивную проблему далёкого, маленького человечка, тем сильнее проникался к нему симпатией и сочувствием. Жаль только, что помочь ему в его беде, он не мог. Энион был приятно удивлён, раскрывшимся перед ним, внутренним миром маленького аборигена, который, неожиданно для атланта, оказался ярким и эмоционально

насыщенным. Его покорили мысли и поступки пещерного человечка, отличавшиеся логичностью и естественностью.

Ноту досталось приподнять завесу над таинственным, внутренним миром первобытной женщины, а если точнее, то мечтательной девушки из каменного века. Это уже другой психологический тип, иные устремления и другие эмоции. Мечты свои пещерная красавица, а таковой она, наверное, и была, таила в самом сокровенном уголке своей наивной души. Туда, кроме её самой, допуска не было никому. Разве что благородному небожителю, да и то против её воли. Но она об этом не знала, а небожитель не собирался делиться с её соплеменниками её тайнами.

Девушку днём и ночью точила, как ржавчина железо, одна и та же мысль: достаточно ли она хороша, чтобы понравится только ему, только для неё созданному? Кто пригожее, она или соперница? Кому он отдаст предпочтение?

Если бы не он, ей на свете жилось бы проще. Если бы не он, то она смотрела бы на соперницу, как на пустое место. Если бы не он, такой пригожий и такой голубоглазый! Тот единственный, который ей приглянулся. Однажды увидев молодого охотника, она уже не могла его забыть. Почему не могла забыть, она не знала сама. Девушке очень хотелось понравиться ему...

И здесь появилась соперница. Коварно. Как шальной камень, бухнулась она в тихое озерцо её мечты. Бухнулась неожиданно и без спроса, грубо расплескав чужие надежды. Эта, другая, тоже положила свой ненасытный глаз на молодого, голубоглазого охотника. Мимоходом, и как бы невзначай. И чувства у неё были ненастоящие и мимолётные.

Девушка и её соперница были разные. Разные разительно.

Девушка была скромной и пугливой, а потому, ни юности её, ни её чарующих глаз, никто не замечал.

Зато её соперницу природа одарила избыточной энергией и решимостью. Шумная, шустрая, плотно сбитая, с одинаково пышными формами и с фронта и тыла, она неизменно привлекала к себе внимание мужчин. Её формам было тесно в незатейливом одеянии, и они непрестанно шевелились и колыхались. А глаза? Дерзкие и раскосые, они всегда смотрели призывно и не мигая.

Девушка так смотреть не могла. Робела. Её глаза, встречаясь с взглядом молодого охотника, невольно опускались вниз. Она не могла заставить себя вести так, как это делала её соперница. Её эмоции сковывала, непонятная ей, внутренняя сила.

Однако она тешила себя надеждой, что, однажды, пересилит себя, подойдет к нему и так пристально посмотрит ему в глаза, что разом затмит шаловливый зов зелёных глаз своей соперницы. Голубоглазый охотник, наконец, с удивлением и восторгом отличит её от других. Увидит и поймёт, что только она лучше и краше всех женщин на свете, что только она нужна ему и больше никто.

Неожиданно блеснувшее сокровище бесхитростной души пещерной золушки искренне тронуло небожителя. Он с удивлением отметил, что пещерная красавица может и хочет чувствовать глубоко и тонко. Её юному и неопытному сердцу уже ведомы такие сильные чувства, как любовь и ревность, хотя она, похоже, не понимала их природы. Такие эмоциональные вспышки и бури, из всех живущих на земле существ, свойственны только людям!

Для полноты картины, раскрывающей психологическую характеристику диких людей, Ила погрузился в духовный мир мятушейся души молодого охотника.

Почему атланты интересовались только молодой или подрастающей порослью? Всё просто. Дикий народ не знал старости. Или почти не знал. В ту эпоху умирали, преимущественно, молодыми. Люди, дожившие до преклонных лет, воспринимались как настоящее чудо.

Интересующий атланта охотник оказался натурой эмоциональной и сложной. К тому же он, похоже, ещё и комплексовал. Причиной его неуверенности в себе служило хроническое невезение на охоте. Его сотоварищи, с которыми он охотился, были, почему-то, всегда про-

ворнее и удачливее. Это обстоятельство язвило самолюбие охотника. Дело было в том, что он плохо владел копьём, а потому всегда плёлся в хвосте группы. Ему не доверяли.

Даже в тех случаях, когда охотнику удавалось первым выйти к добыче на расстояние удара, и когда ему казалось, что он вот-вот схватит за хвост синюю птицу счастья, та в последний момент всё же улетаала от него. Улетала, потому что охотник либо мазал, либо попадал своим копьём так, что неловким действием своим вызывал коллективное недоумение у других охотников.

Тогда они начинали тыкать в его сторону пальцем и смеяться. Каждый на свой лад. Один смеялся добродушно. Второй хихикал за компанию. Третий смеялся зло, раздосадованный тем, что из-под самого носа убежал верный обед. Четвёртый не смеялся вовсе. Он, молча, смотрел на неудачливого охотника, и в его глазах читалось сочувствие.

Однако у невезучего охотника было одно утешение. Оно преображало его духовно и помогало легче переносить неприятности охотничьей жизни.

По возвращении с охоты он всякий раз уходил в заброшенную пещеру и долго там пропадал. Сначала отсутствия охотника никто не замечал. Фигурой он был серой и неинтересной. Потом коллеги по ремеслу, так обратили внимание на его странное поведение. Из любопытства и подозрения обратили. Что это он такое делает один в дальней пещере? Неужели втихомолку ест мясо? Что за проявление махрового индивидуализма? В цивилизованном обществе так не поступают. Это непорядок! Мясо в обществе принято было потреблять коллективно! Проследили за ним и были немало удивлены увиденным. Кто бы мог подумать, что они обнаружат у охотника-неудачника такие таланты!

Там, в самой глубине пещеры, при тусклом, многократно отражённом от стен, дневном свете, невезучий охотник занимался художественным творчеством. Он подбирал с земли чёрный, твёрдый комочек и рисовал им по поверхности шероховатого камня. Работал быстро, почти не задумываясь. Рука двигалась уверенно и твердо. Если бы такую сноровку он имел на охоте, то наверняка стал бы передовиком. Когда он изображал, то в его руках всё играло. Вот бы на охоте так. Но на охоте у него так почему-то, не получалось. Почему? Он не знал.

У пещерного художника была цепкая образная память. Он зрительно запоминал всех животных, которых встречал на охоте. Потом изображал их. Реалистично, в движении, всего несколькими энергичными линиями и штрихами. Животные узнавались с первого взгляда. Этот факт дружно подтверждали коллеги охотника, вернее художника. Они бродили по пещере и изумлённо тарасились на рисунки. Посетители первобытной, художественной галереи то и дело одобрительно кивали волосатыми головами, и многозначительно переглядывались между собой. Выставка нравилась. Они громко выражали восхищение:

– О – о – о!

– У – у – у!

– Эге!

– Ах!

– Ух!

– Ых!

Часто обращали свой, теперь уже просвещённый взор на художника, и тот видел в их глазах уважение. Не насмешку, не неприязнь, не жалость, а именно уважение. То, чего более всего желал сам художник.

Творениями пещерного мастера восторгались все охотники, кроме одного. Это был тот самый охотник, который больше других насмехался над его неуклюжестью. Он с усмешкой смотрел, то на художника, то на его творения. Затем поднял с земли чёрный комочек и принялся рисовать сам. Охотник самоуверенно полагал, что эту работу он сделает не хуже художника. А может и лучше. Однако рука не слушалась его, несмотря на все усилия. В результате его творческих мук, на стене пещеры появилась нечто такое, что тут же вызвало взрыв хохота.

Не смеялся только художник. Он знал, как это больно, когда над тобой смеются. Художник искренне жалел своего недоброхота. А тот, растоптав в сердцах чёрный комочек, выбежал из пещеры. Там он больше не появлялся, но и над охотником, который ещё и художник, смеяться перестал...

Ила, остался доволен и своей работой и содержанием телепатического сеанса. Впрочем, как и его друзья-атланты. У него камень с души свалился. Небожитель ожидал встречи со свирепыми примитивными существами, которые от рождения до самой смерти озабочены всего двумя проблемами: прокормом и размножением. Однако реальность оказалась лучше, чем представление о ней. Дикие люди не оказались непроходимо дремучими. На деле они обладали зачатками поведенческой парадигмы, характерной для разумных существ.

Более всего Илу поразил факт приобщения тёмного, пещерного существа к миру прекрасного.

Просто, невероятно!

Ведь в их жестоком, насквозь прагматичном мире подобное явление должно восприниматься, как нелепость, как абсолютная ненужность. Действительно, зачем терять драгоценное время на ненужное занятие, если его можно потратить на поиск пищи...

На привале атланты поделились впечатлениями о телепатическом эксперименте. Обмен мнениями настраивал на оптимистичный лад.

Ила подвёл итог:

– Они – люди! Хотя об этом пока ещё не догадываются.

Уточнил:

– Не подошло время.

Небожители поддержали своего руководителя:

– Согласны.

Ила продолжил:

– Информация для Зевса готова. И в целом она позитивна.

Тяжело вздохнул.

– Однако есть проблема.

Энион вопросительно посмотрел на начальника.

– Что ты имеешь в виду, мой Ила?

Небожитель нахмурился.

– Вероятную встречу с дикими людьми.

– Ну?

В голосе Илы прозвучали тревожные нотки:

– Боюсь, она будет носить непредсказуемый характер.

Энион улыбнулся.

– Надеюсь, не с нашей стороны?

Лицо Илы оставалось серьёзным.

– К сожалению.

В разговор включился Нот:

– Это, в самом деле, проблема. Предсказать их поведение, действительно, сложно.

Ила задумчиво произнёс:

– Дикие люди вокруг нас. Вероятность случайной встречи с ними достаточно велика.

Теперь нам надо быть особенно осторожными.

Отныне было решено передвигаться более скрытно, а на привале и во время ночлега, отряжать одного из путешественников в дозор. Предосторожности будут соблюдаться до тех пор, пока путешественники не оторвутся от дикого потока, и не выйдут на свой прежний маршрут.

Честь стать первым часовым, на время ночного отдыха группы, выпала на долю осторожного и ответственного Тара. Солнце уже давно спряталось за спиной у леса. Сгущались сумерки. Путешественники устроились на ночлег. Их приютил роскошный куст, надёжно укрыв от посторонних глаз.

Тар повёл чутким ухом, прислушиваясь к звукам засыпающего леса. Ничего подозрительного. Охотник присел на поваленное дерево, рядом с обширным кустом, в сени которого прикорнули путешественники. Монотонные, ночные шумы убаюкивали. Он на мгновение смежил веки. Тело мигом обмякло. В сладостном полузабытии охотник услышал, как за его спиной, неожиданно, хрустнула ветка. Но Тора привёл в чувство не столько подозрительный звук, сколько запах. Незнакомый и тяжёлый. Охотник встрепенулся. Он резко повернул голову назад, в сторону подозрительного звука. Но было уже поздно...

Глава 5. Алкмена

Чар сидел на мраморном крыльце своей просторной пещеры. Прислонившись спиной к мраморной колонне, он грелся на солнце. Каннелюры трепетали под лучами солнца и казались живыми.

Перед взором Чара искрилась широкая, круглая река. По велению богов, «жуки» вымостили её берега ровными белыми камнями. Вдоль берега стояли пещеры людей. Их было столько много, что и не сосчитать. Да Чар и не пытался этого делать. Он радовался, что у каждого его соплеменника была своя, личная пещера. А были ещё и незаселённые. И все у реки. Все рядом со становищем богов. Ни одному соплеменнику не обидно.

Хорошо!

С тех пор, как Чар пришёл в становище небожителей, прошло много вёсен. Каждая новая весна добавляла ему морщин и делала немощным его тело. Все меньше оставалось тех, кого он привёл. Они, один за другим, уходили к предкам. Вождь лишь вздыхал, да качал головой. Люди совсем стали забывать, что он был вождём. Как забыли они и о титуле его друга – хромоногого Кру. Хотя бывших вождей, как известно, не бывает.

Теперь у них были другие вожди – небожители. Вождей много. Их трудно сосчитать. Но есть у них и главный вождь. Его зовут Зевс. Правда, он добр и на вождя совсем не похож. Вождя все должны бояться. А его, если говорить серьёзно, то никто не боится. Так, побаиваются немного, и то ради приличия. А всё потому, что не карает. Даже смешно!

Небожители придумали для людей много дел. Дел было даже больше, чем людей. Поэтому все люди были при делах.

Продолжали они заниматься и охотой тоже. Но, мало. Да и охотники пошли не те, что раньше. Боги вооружили их кривыми палками и прямыми лёгкими копьями с белыми наконечниками. Охотники нынче за добычей не гонялись. Добычу настигали совсем мелкие копыя, пущенные кривыми палками. Быстра косуля, но маленькое копьё ещё быстрее!

Чар лишь качал головой. В его время были другие охотники. Они бегали, как косуля и столько, сколько косуля. А по-другому как? А по-другому никак. Уйдёт косуля, умрёт охотник. От голода.

А теперь что? Теперь всё просто. Охотник стоит, а косуля бежит. Охотник пускает маленькое копьё и косуля падает. Охотник подходит и берёт добычу.

Хорошо!

Вот только охотники, не как раньше. Совсем другие стали. Слабые. Ленивые. Бегать не хотят.

Чар снова качал головой и кряхтел. Он мог бы рассказать про настоящую охоту, да некому. Молодые охотники не слушали. А если кто и слушал, то из жалости. Его советы устарили. Другие сейчас времена пришли. Цивилизация на дворе!

Хотя самому вождю, в целом, жилось хорошо. Ничего не скажешь. В его пещере было всё, что нужно. Даже было то, что не нужно.

Вот взять хотя бы эти шары с живыми картинками. Стоит вождю только переступить порог, а шар тут как тут. Выплывает из потолка и начинает гнать картинки, которые можно увидеть на улице. А если показывает другие картинки, то вождю становится скучно. Он их не понимал.

А ещё шар разговаривал. И на языке небожителей, и на человеческом языке тоже. О языке небожителя Чар квалифицированно судить не мог, а вот человеческий, по его мнению, был никакой. Так могли говорить только женщины, а не настоящие охотники!

Шар, по началу, забавлял вождя, а потом надоел. Поэтому заходя в пещеру, Чар сразу нажимал на красный сучок, что у входа. Тогда шар не появлялся, и вождь мог спокойно полежать в тишине, на широком ложе.

На всевозможных «жуков», снующих по пещере, он уже давно не обращал никакого внимания.

Некоторое смягчение зуда от потребности поделиться жизненным опытом, он получал от визитов своего коллеги по руководящей работе, хромого Кру. Тогда они степенно усаживались на крыльце, подпирая спиной мраморные колонны, и начинали беседу. Неспешно, со знанием дела начинали. Вспоминали былое. Сначала говорил один. Говорил долго, пока не уставал. А другой благодарно слушал и согласно кивал головой. Потом они менялись ролями. Начинал говорить другой. Общались на сугубо охотничьем языке, и оба были довольны.

Они никогда друг другу не надоедали, хотя встречались регулярно.

Почему не надоедали друг другу? Неужели они так много знали? Отнюдь. Фокус заключался в том, что вожди, вскоре, забывали то, о чём ранее вели речь. Поэтому встречи были всегда новые, а разговоры всегда старые. Хорошо, что они ещё узнавали друг друга, а то пришлось бы при каждой встрече знакомиться.

В пещере, вместе с Чаром жила его дочь, Алкмена. Женщина стареющего вождя, Авела ушла в мир теней, когда Алкмена была ещё подростком. Чар остался с Алкменой. Благо, они уже тогда жили в становище богов, и у маститого вождя была персональная, благоустроенная пещера с кучей обслуживающих «жуков».

Алкмена сильно привязалась к своему отцу. А он отвечал взаимностью, оберегая и лелея её. На его глазах дочь выросла и расцвела. И как расцвела! Красотой своей она могла свободно соперничать даже с теми, кто спустился с небес. Сколько не присматривался вождь к девушкам из окрестных пещер, равных ей по красоте, не увидел. В связи с чем, сильно гордился.

А ещё она была доброй и умной. По этой причине вождь не мог нарадоваться на свою дочь!

Может, такой её сделала богиня Гера? Ведь боги всё могут! Дело в том, что Алкмену и других девушек Гера учила всяким премудростям, совсем не постижимым для старого вождя. Ведь он был специалистом в сфере управления и охоты, а не в области иероглифов и других закорючек.

Знания дочь вождя хватала на лету. Как-то раз она радостно сообщила отцу:

– Знаешь, я уже смогу написать на песке, или нацарапать на камне целое слово. И не одно. Вождь озадаченно почесал затылок.

– Что такое «нацарапать», я знаю. А что такое «написать» – нет.

Недоверчиво побряхтел:

– Я не понимаю, как это можно нацарапать слово?

Уверенно продолжил:

– Его можно сказать, выкрикнуть, прорычать, прошептать, и, даже, дать. А чтоб нацарапать? Такого никогда не слышал.

Усмехнулся.

– Спроси у всякого охотника. Он скажет тебе то же, что и я.

Алкмена лишь рассмеялась в ответ:

– Всё просто, отец. Я тебе сейчас объясню!

Чар покачал головой.

– Не стоит, дочь. В нашей семье довольно одного мудреца.

После этого случая, ещё много раз солнце поднималось в небо и опускалось обратно.

И вот однажды Алкмена вернулась в пещеру иной. Она глядела на отца, но не видела его. Не прикоснулась к вкусной еде, которой угостил «жук». Сидела камнем и неотрывно смотрела на круглый остров. Солнце утонуло в большой воде, а она сидела. Ночь пришла, а она сидела.

Чар по-началу испугался: не заболела ли она? Потом успокоился. Так бывает всегда, когда приходит пора любви. Так было с Авелой, матерью Алкмены, когда она смотрела на него, на могучего вождя Чара! И у неё были такие же глаза, какие сейчас у Алкмены. Бездонные, как две пропасти и слепые. Видно, дочь влюбилась... Бедняжка!

Чар и радовался и печалился. Ожидались большие перемены.

Кто он, её избранник?

Напрасно думал седовласый вождь, что это кто-то из молодых охотников. Совсем нет. Охотники не интересовали Алкмену.

Это был тот, о ком Чар, и помыслить не мог.

Избранником её дочери был сам Зевс! Вождь небожителей и людей! Чар получил настоящий шок! Как на охоте, когда над тобой висает разъярённый медведь, а помощи ждать неоткуда!

Как это случилось?

Виноват был случай. Алкмена и её подруги упорно выводили иероглифы, когда в учебную пещеру кто-то вошёл. Усердные ученицы оторвали глаза от предмета занятий и посмотрели на посетителя. Посмотрели и, от великой неожиданности, чуть не уронили свои кисти.

В пещере, рядом с их наставницей, благородной и величественной Герой, стоял сам Зевс!

Ученицы дружно встали и склонили голову, приветствуя высокого гостя.

Алкмена, дрожа от страха, осмелилась поднять глаза на вождя небожителей. Ведь она никогда его не видела так близко.

А теперь, вот увидела! О! Лучше бы вовсе не смотрела в его сторону!

Его неземная красота и стать сразу же околдовали несчастную Алкмену!

Зевс медленно прошёлся по рядам, чтобы оценить старания учениц своей царственной супруги.

Не задерживался нигде.

Подошёл к трепетавшей дочери вождя. Остановился. От великого смущения та не поднимала глаз своих. Ей показалось, что небожитель стоит рядом с ней уже целую вечность!

Наконец, она пересилила себя и посмотрела на него. Нечаянно встретила с его взглядом. Утонула в синем океане его глаз. Смутилась ещё больше. Опустила взгляд. Замерла, не дыша.

Зевс, молчавший до этого, спросил:

– Скажи, как зовут тебя?

Ей показалось, что голос его похож и на говор хрустального ручья, и на шелест листвы, и на тихий рокот волн, набегающих на песок. Она осмелилась ещё раз поднять свои глаза.

Едва выдохнула.

– Алкмена...

Зевс переспросил:

– Алкмена?

Она ещё раз посмотрела на него. Уже не так робко.

– Да.

Небожитель похвалил её:

– Алкмена, ты старательная ученица. Иероглифы написала искуснее своих подруг. Хвалю.

Улыбнулся.

– Да и сама ты хороша! Очень хороша!

Повернулся и пошёл к Гере. Что-то тихо сказал ей и, чуть наклонив свою гривастую голову, покинул учебную пещеру.

Остановившееся было сердце Алкмены, забилося вновь. Случилось чудо: её похвалил сам Зевс! Бывает же такое на свете...

Теперь все её мысли, в свободное от иероглифов время, кружились, как стайка робких птичек, вокруг смутной мечты о нём.

Позже, подобное мятущееся состояние души проникновенно описал один великий поэт. И описал он его, для вящей убедительности, высоким слогом.

Там тоже простая и очень наивная девушка увидела однажды одного небожителя, но не с Марса, а из Петербурга. Увидела и заболела навязчивым, и очень сердечным томлением. Осмелилась даже робко открыть ему своё трепетное сердце.

И что получила в ответ? Одно разочарование!

Её хрупкое чувство к нему, небожитель высокомерно отверг. Так было по началу. Но позже капризной судьбе стало угодно, чтобы он сам изведal к ней те же чувства, какие некогда она испытывала к нему. Теперь его сердечные притязания уже отвергла она.

Грустная история...

Она, конечно, могла закончиться по-другому, но так бывает только в фильмах известной киностудии, да в сказках.

Может, Алкмене повезёт больше? Возможно, небожитель с Марса и небожитель из Петербурга, это не одно и то же?

Хотя... мужчины все одинаковы.

Бедная Алкмена!

И даже тогда, когда она усердно выводила иероглифы, то вместо символа, сам собой начал рисоваться профиль небесного сердцеда. Вернее, пока только карикатура. Она не хотела, а он рисовался.

Удивлённая наставница терпеливо объясняла ученице, что такого иероглифа в природе не существует. Та виновато кивала головой и снова рисовала то же самое.

Знала бы величественная Гера, чей профиль маскируется под иероглиф, то поговорила бы со своей дерзкой воспитанницей по-другому.

А Алкмена ждала, когда Зевс посетит их учебную пещеру ещё раз. Напрасно ждала. Зевс не появлялся.

Они успели нарисовать уже много раз по многу иероглифов, а его всё не было.

Может, забить его? Пыталась. Не получалось!

Видно, ещё со времён бедной дочери вождя Чара вошло в жизнь выражение утверждающее, что женщина любит ушами. Сделал небожитель красивой девушке комплимент, она и растаяла. Стала после этого делать далеко идущие выводы. Раз он так сказал, значит она, действительно, хороша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.